

РЕЦЕНЗИИ

В.В. Слепцова

Между авторитетом и Откровением*

Валерия Валерьевна Слепцова – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: leka.nasonova@gmail.com

Рецензия посвящена анализу вышедшей в 2015 году книги Б.Д. Зоммера «Откровение и авторитет: Синай в иудейском Писании и традиции». Зоммер дает подробный филологический анализ и свою философскую интерпретацию событий, описанных в книгах Исход и Второзаконие. Кроме того, Зоммер анализирует последующую традицию через призму теологии участия, а также намечает следствия принятия этой теологии для соединения библейской критики и теологии. Автор рецензии подвергает критическому осмыслению некоторые из основных положений теории Зоммера.

Ключевые слова: библейская критика, иудаизм, иудейская теология, откровение, Устная Тора, философия иудаизма, Розенцвейг, Гешель

Откровение играет важнейшую роль во всей иудейской традиции. События, произошедшие на Синае, дарование закона – ключевой момент иудейской теологической истории¹ и вместе с исходом из рабства и дарованием Земли Израиля представляют собой фундаментальные основания иудаизма. Неудивительно поэтому, что осмысление опыта Откровения на Синае привлекает пристальное внимание теологов, философов и исследователей². Одной из последних работ на указанную тему является «Откровение и авторитет: Синай в иудейском Писании и традиции». Автор книги – Бенджамин Д. Зоммер – профессор Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке с 2008 года. Он специализируется на исследованиях Библии и древних семитских языков. В 2016 году его книга «Revelation and Authority» была удостоена премии Голдштейна-Горена за лучшую книгу в области еврейской мысли³. Привлекая разнообразный текстовый

* Рец. на кн.: Sommer B.D. Revelation and Authority: Sinai in Jewish Scripture and Tradition. Yale University Press, 2015. 440 p.

¹ Использование данного термина обусловлено тем фактом, что среди историков нет однозначного согласия в отношении исторической достоверности событий на Синае. См., например: [Malino, 2017].

² Среди работ, посвященных теме откровения и авторитета, можно выделить, например: [Fackenheim, 1970; Scholem, 1995; Solomon, 2012].

³ Премия Голдштейна-Горена за лучшую книгу в области еврейской мысли вручается раз в три года на базе Международного центра еврейской мысли Голдштейна-Горена в Университете им. Давида Бен-Гуриона в Негеве.

материал – от книги Исход до трудов Розенцвейга, – автор выстраивает концепцию, внутри которой примиряет библейскую критику и теологию путем сведения всей еврейской литературы к категории Устной Торы – надвременного диалога между Богом и человеком.

Во введении автор впервые намечает основные понятия своего подхода: теология (или теория) участия в Откровении⁴. Ей противопоставляется стенографическая теория Откровения⁵. Первая обобщает те подходы к Откровению, согласно которым Пятикнижие – это результат диалога между Богом и Израилем, и Пятикнижие не только передает волю Бога, но также отражает интерпретацию Израиля и его ответ этой воле. Согласно второй теории, Бог продиктовал все слова Пятикнижия Моисею, а Моисей записал слова Бога без изменений (точка зрения, которая принимается ортодоксальным иудаизмом). По мнению Зоммера, теологию участия можно обнаружить уже в Пятикнижии, на что ранее теологи и исследователи не обращали внимания. Среди ряда причин этого одной из основных он считает необходимость применения к тексту Библии методов «библейской критики». Таким образом, главными задачами Зоммера являются, во-первых, продемонстрировать на конкретном материале и раскрыть значение теологии участия в Библии и последующей иудейской мысли, а во-вторых, доказать, что библейская критика, которой теологи, как иудейские, так и христианские, стремились избегать, считая ее «враждебной... теологическим исследованиям» [Sommer, 2015, p. 2], может мирно сосуществовать с теологией.

Первая глава «Артефакт или Писание?» разворачивает перед нами два основных и один промежуточный подход к восприятию Танаха⁶. Для иудея Танах – это *Писание*, сакральный текст, на экзистенциальном уровне связанный с божественным источником, даже если текст в значительной степени произведен людьми. Для древних и средневековых читателей это было очевидно, но в XVII веке в Европе такое положение дел было нарушено. Результатом исследований Танаха в XVII–XIX вв. стала сформировавшаяся в середине XIX в. документальная гипотеза (Documentary Hypothesis). Согласно ей, в Торе существует 4 основных источника: J, E, P, D. Таким образом, библейская критика рассматривает Танах как *артефакт*, совокупность текстов северо-восточных семитов железного века. Как верно замечает автор, многие иудеи почувствовали, что библейская критика подтачивает корень иудаизма утверждением, что Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие не книги вовсе, а смешение изначально отдельных и в некоторой степени противоречивых текстов. Библия предстала идеологически нагруженной антологией противоречивых текстов. Таким образом, основанием проблемы разделения артефакта и писания является признание (отрицание) особого статуса библейского текста, ее сущностного отличия от всего корпуса мировой литературы.

Во второй главе «Что произошло на Синае: максималистский и минималистский подходы» Зоммер продолжает рассматривать те вызовы сакральности текста Танаха, которые породила библейская критика. Наиболее важным ему

⁴ Participatory theory of revelation, participatory theology.

⁵ The stenographic theory of revelation.

⁶ Здесь и далее автор рецензии использует термин «Танах» для перевода терминов “Hebrew Bible” и “Tanakh”. Для перевода термина “the Bible” используется слово «Библия». Для Зоммера “Hebrew Bible” и “the Bible” синонимичны друг другу, а также термину «Ветхий завет», как это следует из примечания к стр. 13 его книги [Sommer, 2015, p. 13].

представляется даже не то, что в текстах Пятикнижия существуют внутренние нестыковки, но то, что во многих местах библейский текст не согласуется с понятием милосердного и справедливого Бога. К таковым можно отнести, в частности, требование Богом геноцида амаликитян или хананеев во Второзаконии или рассказ об умерщвлении всех невинных египетских первенцев, которые «не имели никакого отношения к политике занятиости, проводившейся фараоном» [Sommer, 2015, p. 27]. Для многих современных читателей повсеместно обнаруживаемый в Библии сексизм, когда жена мужчины классифицируется как один из видов его собственности наряду с домом, или отношение Библии к гомосексуальности также порождает похожие проблемы. Иначе говоря, не историко-филологические, а моральные вызовы создают наиболее глубокие сомнения относительно сакрального статуса Библии.

Ответом на вопрос о том, как может теология выразить и любовь к Торе, и готовность изучать ее критически с открытым разумом, Зоммер считает тот ход мысли, который наиболее ясно был сформулирован в работах двух влиятельных мыслителей XX в: немецкого философа Франца Розенцвейга и американского философа польского происхождения Авраама Йегошуа Гешеля⁷. Эти мыслители предположили, что Библия и вся иудейская традиция вообще является ответом на акт божественного Откровения. В содержании Библии смешиваются божественные и человеческие элементы. Акт божественного Откровения не передал конкретного содержания, поэтому все слова и законы, которые мы находим в Библии, суть человеческие интерпретации откровения. С этой точки зрения событие Откровения реально, и сакральный статус Библии выводится из этого события, однако конкретные тексты Библии не имеют высшего авторитета, являясь результатом человеческой деятельности. Автор стремится показать, что подобный ход мысли имеет длительную историю, не исчерпываясь философией и теологией XX века. В связи с этим далее подробно анализируется текст Исхода 19–20⁸. Зоммер показывает, что текст полон противоречий, неясностей и двусмысленностей. И если одной из причин является то, что человеческий язык не в силах передать трансцендентальный по своей сути опыт откровения, то второй, не менее значимой причиной является то, что сам текст – соединение нескольких источников (условно обозначаемых в библейских исследованиях как E, P, J источники и охватывающих несколько большую область конечного текста, чем книга Исход). Рассматривая каждый из этих источников через призму своей классификации теорий Откровения, Зоммер приходит к выводу, что в них обнаруживаются элементы как теории участия, так и стенографической теории. Еще один источник создания текста Торы, так называемый D (Втор. 1–31, кроме кратких интерполяций), Зоммер считает самым первым библейским комментарием: авторы D-источника «перформулировали материалы, найденные в более ранних книгах Торы... проясняли двусмысленные моменты, корректировали материал и реагировали на идеи, выраженные более ранними источниками. Таким образом, Второзаконие – это старейший комментарий... на материал книги Исход... Второзаконие, привлекающая и комментируя материалы, которые мы знаем из Исхода, конструирует эти

⁷ Abraham Joshua Heschel (1907–1972).

⁸ Для передачи текста Библии с указанием стихов автор рецензии использует Синодальный перевод.

материалы как сакральные и авторитетные с иудейской точки зрения» [Sommer, 2015, р. 64]. Подводя итоги своего анализа, Зоммер, тем не менее признает, что конечный вид Торы не дает возможности с уверенностью делать какие-либо выводы об Откровении. Однако само то, что мы приходим к противоречащим друг другу позициям при чтении Исхода, акцентирует и проблематизирует дарование закона, подчеркивает важность темы Откровения на Синае.

Второй вопрос, затрагиваемый Зоммером в этой главе, выходит за рамки анализа Торы, автор анализирует тексты мидрашей и средневековых комментаторов. Вводя понятия максималистской и минималистской трактовок, Зоммер задается вопросом о том, сколь значительно было участие в Откровении на Синае народа Израиля. Иначе говоря, какую часть Декалога слышали израильтяне? Максималистская интерпретация (источник Торы D) подразумевает, что Декалог слышала вся нация. Согласно минималистской интерпретации (источники Торы P и J, а также – в дальнейшем – Маймонид, хасидские рабби Менахем Мендель из Рыманова, Нафтали Цви Горовиц из Ропшиц и Ашер Исая Липман), дарование закона происходило исключительно через Моисея, и если и он, и народ слышали нечто, то это не обязательно было словами в человеческом понимании.

Третья глава «Заповедь и закон в теории участия» посвящена изучению последствий принятия минималистской трактовки Откровения. Эта линия интерпретации предполагает, что Бог на Синае взаимодействовал с Израилем и Моисеем, но почти (или вовсе) не говорил. Принятие минималистской трактовки выставляет ряд вопросов. Например, подразумевает ли крайняя версия минимализма, что невербальное откровение лишено содержания? Если Моисей или народ Израиля создали закон в ответ на самораскрытие Бога, почему дальнейшие поколения Израиля должны ему следовать? Первым шагом, который делает автор в направлении ответов на эти вопросы, является введение идеи о пророчестве как переводе. Если в стенографической концепции Откровения пророк (или участник откровения, в терминологии Зоммера) – это лишь передатчик слов, которые говорит Бог, то в концепции участия все гораздо менее однозначно. Здесь пророк может восприниматься как поэт, однако при этом божественное участие заключается в создании личностей с сильным воображением, разумом и высокой моралью, а моменты взаимодействия Бога с пророком отсутствуют. Гораздо более приемлемой Зоммеру представляется идея пророка-переводчика, который получает сообщение от Бога, но формулировка этого сообщения на человеческом языке остается самому пророку. Таким образом, участник откровения превращает сверхъязыковое, трансцендентное взаимодействие в вербальное и неизбежно ставит на него свою печать. Понимание Откровения как перевода, утверждает Зоммер, подводит нас к тому, что Откровение – это диалог, в котором каждая сторона испытывает влияние и, в свою очередь, влияет на другую. Второе следствие принятия Откровения как перевода состоит в признании наличия первоисточника и размышлении о нем. Так, вполне закономерно, появляется понимание Торы небесной и Торы земной, которое, в свою очередь, подводит к тому (здесь Зоммер солидарен с Розенцвейгом и излагает его позицию на этот счет), что и заповеди разделяются на божественные заповеди (Gebot) и человеческие законы (Gesetze). Божественная заповедь имеет своим результатом закон (который подвержен

изменениям), но не совпадает с ним. Традиционный иудаизм, подчеркивает Зоммер, также допускает изменения отдельных частей законов Пятикнижия, принимая божественный авторитет системы закона в целом⁹.

Отвечая на второй из поставленных в начале главы вопросов, Зоммер обобщает: «Наша земная Тора – это интерпретация... глубоко человеческая попытка приближения. Божественное присутствие в этом тексте состоит не в Его словах, а в гласе (qol), который еще не слово, в алефе Божественного присутствия, парящего под библейским текстом и побуждающего его к существованию. Слова в этом тексте являются указателем трансцендентности, которая не может быть воспринята, но они не являются синонимами этой трансцендентности и не написаны ею» [Sommer, 2015, p. 146]. Однако лишь на этом выводе Зоммер не останавливается, он идет дальше и, разрушая онтологическое различие между Библией и остальным иудейским словесным творением, утверждает, что «вся еврейская традиция, включая и саму Библию, составляет то, что называется Устной Торой¹⁰, а именно: традицию, комментарии и размышления» [Sommer, 2015, p. 146].

Рассуждения о границах Устной и Письменной Торы Зоммер продолжает в четвертой главе «Писание как традиция и традиция как Писание». Зоммер стремится показать, что уже в раввинистическом иудаизме проводятся мысли о глубинном единстве двух типов Торы. Некоторые раввинистические тексты практически не различают Письменную и Устную Тору. Другие принимают различие, но минимизируют его. Принимая различие Устной и Письменной Торы, большинство философов и теологов полагали, что роль Устной Торы – пояснять Письменную Тору и заполнять пробелы в ней. Кроме того, раввинистические тексты выводят авторитет Устной Торы из Письменной Торы, которую она поясняет.

Даже ортодоксальный иудаизм XIX в. в лице одного из своих влиятельнейших лидеров, Самсона Рафаэля Хирша¹¹, подчеркивает Зоммер, нивелировал значение Письменной Торы по отношению к Устной.

В пятой главе «Событие, процесс, вечность» Зоммер разрабатывает вопрос о том, как Тора, будучи в его концепции только Устной Торой, диалогом, несет в себе и постоянно обновляет связь с Откровением. Солидаризируясь с Розенцвейгом и Гешелем, Зоммер подчеркивает, что дарование закона всегда происходит в настоящем, или, точнее, над временем: откровение точно, но вневременно. Время – категория человеческая, не имеющая отношения к трансцендентному Богу. Испытать откровение как происходящее в вечном настоящем, обновить связь с откровением, помогает наряду с актом интерпретации Торы акт выполнения заповеди. Вслед за Гешелем Зоммер утверждает, что все евреи – родившиеся и еще не рожденные – присутствовали при откровении и даровании закона на Синае [Sommer, 2015, p. 202–204].

⁹ Широко известно, что раввины Талмуда эффективно опровергали некоторые библейские законы. Зоммер приводит в пример стихи Втор. 21.18–21.

¹⁰ В традиционном понимании Письменная Тора – это 24 книги канона иудейской Библии, а Устная Тора – это раввинистические писания.

¹¹ Samson Raphael Hirsch (1808–1888). Отметим, однако, что другие представители ортодоксального иудаизма, Исаак Хутнер (Yitzchok Hutner, 1906–1980) и Абрам Исаак Кук (Abraham Isaac Kook, 1865–1935), таких идей не излагали.

В шестой главе «Подход современного иудаизма к Писанию» рассматриваются следствия принятия того, что существует только Устная Тора. Важнейшим для автора следствием является то, что в результате сведения Письменной Торы к Устной открывается пространство диалога иудейской мысли, в котором можно услышать споры библейских и постбиблейских авторов между собой. Иначе говоря, Зоммер стремится размыть границы между Устной и Письменной Торой, чтобы открыть большую целостность иудейской традиции.

Еще одним следствием принятия всей Торы как Устной является возможность применения к ней *peshat*¹². Поскольку Устная Тора – это особый тип учения, включающий диалог, спор и развитие, критические *peshat*-прочтения, дающие возможность обнаружить различные мнения в этом споре не наносят вреда процессу диалога. *Peshat*-прочтениями автор предлагает объяснять места Торы, создающие затруднения морального порядка. Зоммер настаивает, что «призыв Втор. 25:17–19 убить всех мужчин, женщин и детей амаликитян можно объяснить только полным непониманием божественной воли. В этом отрывке восприятие Израилем божьего требования о том, чтобы Израиль защищался и приводил злоумышленников к правосудию, было раздуто до закона мести без разбора» [Sommer, 2015, p. 236]. Таким образом, Зоммер приходит к выводу о необходимости исправления Писания, а помочь в этом должна именно теология участия [Ibid., p. 239], поскольку ее суть – принимать и перерабатывать переданные за время участия каждого поколения в диалоге на Синае мысли.

В заключении автор возвращается к различению терминов «закон» и «заповедь». Необходимо, утверждает Зоммер, отличать случайный, временный закон, правовой обычай, от вечной надвременной заповеди. Трансформация или отвержение первого – обычная и желательная практика внутри традиции. Он подчеркивает диалогичность Торы как таковой и постоянное участие каждого иудея в этом диалоге. Подобный подход неизбежно ведет к пересмотру традиции. Однако в конце автор оставляет читателей в состоянии неуверенности и неопределенности. Постулируя, что «наше время – это время бурных, но беспорядочных изменений», автор особо отмечает невозможность определить, «расширяем ли мы границы слишком сильно или недостаточно, в правильном направлении или в ошибочном» [Ibid., p. 250].

Подводя итоги, следует сказать, что данная работа представляет собой интереснейшую попытку теоретического осмысления, интерпретации и творческой переработки богатого материала иудейской философско-теологической мысли. Автор «Откровения и авторитета» предлагает свой вариант теодицеи, свое решение моральных и филологических вопросов, появляющихся при прочтении Библии у современного читателя. Привлечение значительного количества текстовых источников, их блестящие анализ и интерпретация являются несомненно сильной стороной книги.

При всей глубине и новизне работы Б. Зоммера построение текста представляется несколько усложняющим восприятие. Так, например, перечисление проблем, возникающих у современного читателя при чтении Торы, начинаясь в первой главе, перетекает, как нам кажется, совершенно излишне далее в начало второй главы. Параллельно затрагивается несколько дополнительных проблем, что уводит в сторону от основной идеи и затрудняет последующую передачу

¹² פשט – прямые, буквальные интерпретации текста Торы.

мысли автора. Несомненно, сложность и многоплановость привлекаемого к анализу материала, а также виртуозность владения им способствуют подобному построению, однако определенная четкость границ каждой мысли внутри текста содействовала бы большей легкости понимания.

Во введении автор ясно обозначает свой главный методологический принцип: он выступает не только как библейский критик, но и как верующий иудей. Свою цель он видит не только «в том, чтобы описывать и анализировать, но и в том, чтобы защищать и отстаивать» то положение, согласно которому иудаизм как таковой, будучи заветом между Богом и Израилем, с необходимостью влечет за собой понятие *פְּרִיט* (обязательство, долг) и *מִצְוָה* (заповедь). Однако понятия эти в интерпретации автора должны быть гибкими и включать некоторую степень сомнения, для того чтобы сделать религиозную практику плодотворно ищущей, а не самоуверенно-аподиктической [Sommer, 2015, p. 5]. Подобная цель, несомненно, заслуживает уважения, но возникает вопрос: насколько она реализуема в рамках этих понятий, которые сами по себе элемента сомнения не включают? В процессе изложения автор использует термины *Gebot* (заповедь) и *Gesetze* (законы), предложенные Розенцвейгом. Однако вопрос о том, как терминология Розенцвейга соотносится с терминами, приведенными во введении, остается вне авторского внимания.

Вызывает вопросы расплывчатость формулировок важнейшей авторской классификации. Если в главе 2 минималистская и максималистская интерпретации классифицируются по основанию «насколько народ участвовал в Откровении?» [Ibid., p. 75], то уже в главе 3 это основание оказывается другим и относится теперь к способу передачи божественных слов: говорил ли Бог человеческим языком (максималистская интерпретация) или это было нечто отличное от человеческой речи – звуки, молчание и т. п. (минималистская интерпретация) [Ibid., p. 99].

Термин «диалог», составляющий основу авторской концепции, также требует некоторого прояснения. Во-первых, под диалогом Зоммер понимает разные практики: для двух человеческих существ это спор, для человека и Бога – двустороннее общение с влиянием сторон друг на друга. Автор не дает ответа на вопрос о том, как между собой соотносятся две эти формы диалога или почему два разных действия обозначаются одним термином. Во-вторых, остается непроясненным вопрос о конкретном влиянии человека на Бога в диалоге между ними. Можно предположить, что речь идет о том процессе, который автор обозначил как «становление трансцендентного имманентным», но это лишь предположение, явного указания в тексте не обнаруживается.

В процессе изложения своей концепции автор демонстрирует нам, что стенографическая теория Откровения имеет столь же глубокие корни и столь же освящена авторитетами, как и теория участия в Откровении. Второй теории перед первой предпочтение отдается на основании ее большей, по мнению автора, полезности: она позволяет решить некоторые моральные проблемы и прояснить филологические нестыковки, возникающие в тексте Библии. Однако стенографическая теория также не препятствует решению этих вопросов и проблем, как показывает, например, М. Брейер в своей статье «О библейской критике» [см.: Brueg, 1999]¹³.

¹³ Упоминание об этом см. также в [Even-Chen, 2017].

Несомненно, интереснейшим и смелым шагом со стороны автора является включение всей еврейской традиции, в том числе Пятикнижия, в категорию Устной Торы – комментариев и размышлений. Однако подобное размывание границ позволяет утверждать, что любая рефлексия над Торой автоматически становится частью Устной Торы. В этом случае возникают закономерные, на наш взгляд, вопросы о новых границах. Кто является евреем в трактовке Зоммера, говорящего о «еврейской литературе», синонимичны ли для него понятия «еврей» и «иудей»? Попадают ли в Устную Тору (как ее интерпретирует Зоммер) размышления о Торе еврея-атеиста? Или протестантские рефлексии? Ответов на эти вопросы автор не дает.

Вопрос о границах встает также при знакомстве с авторским анализом текста Торы. Автор готов подвергать сомнению любое из событий анализируемого текста, кроме одного: акта теофании на Синае. Непоследовательность этого хода мысли не может не броситься в глаза.

В целом концепция автора представляется достаточно «текучей»¹⁴ и расплывчатой. Множество истин, существующих внутри диалога Бога с человеком, и размывание границ – основные характеристики этой концепции. Зоммер подчеркивает, что некоторые положения его концепции можно обнаружить и у представителей консервативного и ортодоксального иудаизма [см., например: Sommer, 2015, p. 4, 150]. Однако вряд ли сами представители этих направлений согласились бы с подобным утверждением.

Список литературы

Bruer, 1999 – *Bruer M.* ארקמה תרוקיב לע (Regarding Biblical Criticism) // Megadim (מידגם), Vol. 30 (5759), 1999, P. 97–107.

Even-Chen, 2017 – *Even-Chen A.* A Torah of Participatory Revelation in Context, URL: <http://thetorah.com/revelation-and-authority/a-torah-of-participatory-revelation-in-context/> (дата обращения: 30.05.2018).

Fackenheim, 1970 – *Fackenheim E.* God's Presence in History: Jewish Affirmations and Philosophical Reflection. N. Y: HarperCollins, 1970. 104 p.

Malino, 2017 – *Malino J.W.* The Epistemic Standards of Biblical Scholarship URL: <http://thetorah.com/revelation-and-authority/the-epistemic-standards-of-biblical-scholarship/> (дата обращения: 30.05.2018).

Scholem, 1995 – *Scholem G.* Revelation and Tradition as Religious Categories in Judaism // *The Messianic Idea in Judaism: And Other Essays on Jewish Spirituality.* N. Y.: Schocken Books Inc. 1995. P. 282–303.

Solomon, 2012 – *Solomon N.* Torah from Heaven: The Reconstruction of Faith. Oxford: Littman Lib. of Jew. Civiliz., 2012. 312 p.

Between Revelation and Authority

Valeriya V. Sleptsova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Goncharnaya Str. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: leka.nasonova@gmail.com

¹⁴ Зоммер сам использует этот эпитет (fluid) в своей концепции.

The review is devoted to 2015 year published B.D. Sommer's book «Revelation and Authority: Sinai in Jewish Scripture and Tradition». Sommer analyses and interpretes texts of Exodus 19–24 and some more texts of Tora. He analyses postbiblical Jewish theological and philosophical texts by using his theory about participatory theory of revelation for effective co-existence of biblical scholarship and observant Judaism. The author of review critiques some of Sommer's ideas.

Keywords: biblical criticism, Heschel, Judaism, Jewish theology, Oral Tora, Revelation, Rosenzweig, philosophy of Judaism

References

Bruer M. Al bikoret hamikra [Regarding Biblical Criticism], *Megadim*, 30 (5759). 1999, pp. 97–107. (In Hebrew)

Even-Chen, A. *A Torah of Participatory Revelation in Context*. Available at: <http://thetorah.com/revelation-and-authority/a-torah-of-participatory-revelation-in-context/> (accessed – 30.05.2018).

Fackenheim, E. *God's Presence in History: Jewish Affirmations and Philosophical Reflection*. New York: Harper Collins, 1970. 104 pp.

Malino, J. W. *The Epistemic Standards of Biblical Scholarship*. Available at: <http://thetorah.com/revelation-and-authority/the-epistemic-standards-of-biblical-scholarship/> (accessed – 30.05.2018).

Scholem, G. Revelation and Tradition as Religious Categories in Judaism, in: *The Messianic Idea in Judaism: And Other Essays on Jewish Spirituality*. New York: Schocken Books Inc. 1995, pp. 282–303.

Solomon, N. *Torah from Heaven: The Reconstruction of Faith*. Oxford: Littman Lib. of Jew. Civiliz, 2012. 312 pp.